

Андрей Агафонов

ТРИ ДНЯ В БЕРГАМО

16+

Андрей Юрьевич Агафонов

Три дня в Бергамо

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57000210

SelfPub; 2020

ISBN 978-5-532-04948-2

Аннотация

Сентябрь 1939 года. В итальянском городе Бергамо встречаются три человека с непростой биографией – итальянский аристократ, его спутница – вдова английского посла, и коммивояжер из Австрии. Сведенные судьбой вместе, они оказываются отрезанными от внешнего мира на три дня из-за загадочной болезни и введения карантина.

Новенькая лакированная «Ланча» на крохотном пяточке, окруженном домами пятнадцатого века постройки, казалась нелепой и неуместной, как свежая царапина на дагерротипе.

Приехавший на автомобиле со своей спутницей высокий господин нависал в холле над портье, еще безусым юношей:

– Так вы не знаете, кто я?

– Не знаю, синьор, – таращил глаза портье.

– Хорошо, – смягчился гость, – пишите: «Луиджи Виттоне».

И потрепал портье по щеке.

Брюнетка в легкомысленном трауре фыркнула из кресла. Портье посмотрел на нее, перевел взгляд на стоящие рядом с ней новенькие дорогие чемоданы с инициалами LV и послушно записал в тетради «Синьор Луиджи Виттоне со спутницей».

Высокий господин поднял лицо вверх и громко, театрально расхохотался. Брюнетка легко поднялась из кресла, собираясь идти за ним в номер. Портье, он же коридорный, начал огибать стойку.

В это время дверь в холл открылась, впуская мужчину с увесистым потрепанным саквояжем в руке. От долгого подъема и жары мужчина изрядно запыхался, на загорелом лбу выступили капли пота. Со смятой картой в руках он направился к высокому господину и его спутнице и довольно

нелюбезно спросил, тыча пальцем в карту:

– Это я здесь? Я попал сюда?

– Вы иностранец, – с легким оттенком осуждения сказала траурная брюнетка.

Он поднял на нее внезапно голубые глаза, как будто пытаясь понять истинный смысл этого заявления.

– Да, это здесь, – проговорил Луиджи Виттоне, – удивительно, как вы умудрились забраться сюда пешком.

– Удивительнее, как вы додумались заехать сюда на машине, – парировал иностранец.

– Это почему же?

– Посмотрю я на вас, когда вы будете спускаться.

Брюнетка положила руку на локоть Луиджи.

– Пойдем, дорогой. Я устала.

Синьор Виттоне похлопал перчатками, сжатыми в левой руке, о ладонь правой, переступил с ноги на ногу и перевел взгляд с нахального иностранца на портье.

– Но мне нужно принять... – парнишка нерешительно показал на вновь прибывшего.

– Все хорошо, я подожду, – отмахнулся тот. – Беги и возвращайся!

И с наслаждением плюхнулся в кресло, опустив рядом саквояж.

– Still warm*, – сказал он как будто про себя, но достаточно громко, чтобы брюнетка, поднимавшаяся по лестнице, услышала это.

Брюнетка на долю секунды задержала шаг. Обнаженные лопатки дрогнули. Или показалось?

---

*еще теплое (англ.)

***

– Я просил тихую комнату, – выговаривал он портье через полчаса. – Ты думаешь, здесь тихо, так?

– Синьор...

За стенкой раздавались приглушенные, но все же различные голоса – мужской и женский.

– Как тебя зовут?

– Антонио.

– Антонио, друг мой, покажи, что у тебя есть.

Он крепко сжал портье плечо.

– Но хозяин...

– Антонио, долг любого отеля – давать гостям то, что они хотят. Уверен, твой хозяин это понимает. Так что у тебя есть?

– Есть номер наверху, но там еще не закончили ремонт.

Они поднялись на этаж выше, юноша открыл дверь номера и вопросительно пожал плечами.

Гость оглядел комнату. Купол красного кирпича нависал

над кроватью, как медуза. Сквозь единственное сводчатое окно был виден сад во внутреннем дворе. Небольшой деревянный стол, два стула. Облупленные стены. Умывальник. Крохотный сортир. Тишина.

– Если вас устроит, синьор...

– Да, да, я беру. До завтра.

Саквояж тяжело бухнулся рядом с кроватью.

Оставшись один, он нетерпеливо стянул пропотевшую рубашку, сбросил ботинки, избавился от прочей одежды, поплескался над умывальником, вытерся жестким мохнатым полотенцем и с наслаждением уснул.

***

Человек, записавший себя в книгу постояльцев как Луиджи Виттоне, на самом деле носил фамилию, хорошо известную и в Бергамо, и в Милане, да и во всей Ломбардии, которой его предки правили с тринадцатого века. Его отец был любовником королевы Елены и водил нежнейшую дружбу с королевским племянником. Семейная ложа в Ла Скала была центром политических, артистических, эротических интриг и интрижек всей северной Италии. С годами отец, собираясь в театр, все чаще забывал пригласить с собой семью, все больше пудрил лицо, все откровеннее подкрашивал губы. Мама до поры мирилась с его причудами, на городских праздниках семья всегда была в сборе – элегантный герцог с

капризными резными губами, прекрасная герцогиня, пятеро белокурых ребятишек: ангельское семейство. В миланском имении Луиджи (будем называть его так) и его братья порой забавлялись тем, что сбрасывали с пьедесталов в ярко-зеленую траву старые статуи, занимали их место – гольшом, обсыпанные мелом – и замирали. А когда мимо проходили люди, «оживали» – к ужасу одних, хохоту других и восторгу третьих.

К своим тридцати трем годам он успел прожить достаточно насыщенную жизнь, чему, конечно, способствовало привилегированное детство – наследникам богатых неведомо безделье, всегда есть уроки, забавы, собаки, что-нибудь, не позволяющее сидеть на месте. Вырос, побывал в десятке стран, серьезно увлекался лошадьми, потом автомобилями, затем кинематографом и фашизмом.

В 1936-м умер отец, похороны его превратились в карнавал для всего Милана и окрестностей, карлики в красных одеяниях надували щеки и трубили в трубы, мужчины и женщины в масках и туниках разбрасывали лепестки роз. Мамин уход был скромным. Никто так и не дознался, чьей же любовницей она была многие годы после развода с мужем. Луиджи оплакивал ее смерть, порой и в буквальном смысле, несколько месяцев, он перестал бриться и кое-как следил за ногтями, не выходил в свет, не приглашал к себе никого, кроме родни, затем уехал в Грецию и там мало-помалу ожил. В письмах друзьям сетовал, как страшно будет возвращать-

ся в душные коридоры Милана после напоенной беспечной похотью Греции. По чести говоря, ни в каких душных коридорах Луиджи никогда не жил, но звучало хорошо.

Через три дня после возвращения в Милан он отправился на аукцион, чтобы купить первое издание «Наслаждения» Д' Аннунцио, и встретил Эльзу. Впервые он испытал такое восхищение при одном только виде незнакомой женщины, настолько его поразила ее манера держаться, говорить, смотреть – как будто она занималась или приготавливалась заниматься любовью со всем, что ее окружало. Насколько плавной была ее походка, округлыми – жесты, нежным – голос.

Она была в твидовом жакете и юбке миди от Шанель, а Луиджи был одним из многочисленных любовников Шанель. Невозможно придумать лучшего предлога для знакомства с прекрасной женщиной.

Но предлог не понадобился. После аукциона она сама подошла к нему с книгой в руке и спросила:

– Вы уступили мне. Почему?

– Я не большой любитель Д' Аннунцио, но именно этот роман вам удивительно подходит.

Она фыркнула:

– Вы считаете, я похожа на Елену? Она же кокетка.

– Я бы не был столь суров!

Через полчаса они уже оживленно болтали. Эльза безо всякого жеманства рассказала, что многие годы замужем за мужчиной на двадцать лет ее старше, послом, «но совершен-

но не экзотической страны, Луиджи, и он точно не карточный шулер!»

– Кстати! – со смехом вспомнила она. – Габриэль при первой встрече тоже подумала, что я кокотка. Она сказала, что я слишком хорошо пахну для порядочной женщины.

Он не рассмеялся в ответ, потому что не мог отвести взгляда от ее губ.

– Это все книга, – она легонько стукнула его томиком «Наслаждения» в грудь, и он вздрогнул. – Это не я.

И невинно улыбнулась.

***

И вот после нескольких месяцев знакомства, смерти мужа при невыясненных обстоятельствах, скромных похорон и приезда сюда, в Бергамо, она все еще оставалась для него терра инкогнита, другом, собеседником – но не любовницей... Нельзя сказать, что он не пытался, но все привычные уловки (Луиджи знал множество женщин и, что скрывать, мужчин) пресекались одной нежной насмешкой.

Властный на людях, Луиджи вел себя наедине с Эльзой совершенно иначе. Он был мягок, покорен, почти подобо-страстен, все время спрашивал себя, насколько ей интересно то, что говорит он, и порой почти не разбирал смысла того, что отвечала она. Она встречала его откровенные взгляды

безо всякого смущения, даже как будто разворачивала себя навстречу этим взглядам, подавала себя – но и только.

Но сейчас он не думал о любви Эльзы, он думал о подзрительном типе, говорящем с немецким акцентом.

– Я собираюсь пойти в полицию, – сказал он в спину сидевшей у трюмо Эльзы.

– Да? – откликнулась она. – Зачем же?

– Мне не нравится этот субъект. Не нравится, как он смотрел на нас.

– О, дорогой.

Опять эта усмешка. Вечная усмешка.

– В конце концов, – он поднялся с тахты, – мы на грани войны, и я не желаю...

– Луиджи, – она уже стояла перед ним, облаченная в шелковый китайский халат на голое тело, почти облепленная им, – ты такой важный! Шейный платок...

Она погладила его по груди.

Его сердце учащенно билось, он почти задыхался. Он потянулся к ее груди, Эльза нежно, но уверенно отняла его руку, повлекла ее вниз и коснулась возбужденного естества.

– Ох, Эльза, – только и смог вымолвить он, прижимая ее руку, не давая отнять ее.

Она посмотрела на него серьезно и пристально. Он разжал пальцы. Рука Эльзы совершила несколько движений, и Луиджи упал головой к ее плечу.

***

На ужин подавали салат Капрезе, казончелли и телячью лопатку. На столе поблескивали несколько бутылок местного вина и кувшин с водой. Перед ужином Антонио предложил гостям по коктейлю. Луиджи и Эльза избегали смотреть друг на друга, но от сладкого вермута с красным биттером не отказались. По лестнице сбежал свежий, радушный, слегка всклокоченный иностранец.

– Я не успел представиться, – добродушно сказал он, подходя к Луиджи с поднятой в локте рукой и раскрытой ладонью, – вы Луиджи, это я помню. Я Эрих. Эрих Вальден. Коммивояжер.

Луиджи с неожиданной для себя готовностью ухватился за протянутую руку:

– Приятно наконец-то познакомиться, синьор Вальден. Вы неплохо говорите по-итальянски.

– Я из Триеста, – улыбнулся Эрих.

Луиджи почувствовал, как остатки враждебности испаряются. Эрих, все еще держа его руку в своей, перевел взгляд на Эльзу:

– Синьора?..

– Эльза Торн, – она сдержанно кивнула, – журналистка, пишу иногда для «Синема».

Луиджи невольно хмыкнул. Эльза посмотрела на него

уничтожающе.

– Синьор?..

Луиджи обернулся. Перед ним стоял хозяин гостиницы, толстяк с изрядно полысевшей головой, лет пятидесяти.

– Вы Джузеппе, да? – припомнил он.

Антонио закашлялся, проходя мимо. Австриец бросил на него беглый взгляд.

– Какая честь, синьор! – засуетился хозяин. – А я тут, знаете, отъезжал... по делам. Надеюсь, Антонио все сделал...

– Антонио молодец, – улыбнулся Луиджи. – А что ваша очаровательная жена?

– Нездоровится, – толстяк вытер пот со лба. – Что-то подхватила, ваша свет...

– Так, – Луиджи сжал руку толстяка. – Это лишнее, Джузеппе. Займитесь десертом.

И перевел взгляд на Эриха, но тот уже разговаривал с Эльзой.

– Дуче, конечно, много сделал для кино, – говорила Эльза, – но не будем преувеличивать его роль. Во Франции нет Муссолини, а кинематограф есть. И опережает итальянский лет на десять.

– Мне больше нравится американский, – возразил Эрих. – Хотя на самом деле он итальянский. Кто такой Капра? Бедный сицилиец. Вы смотрели «Это случилось однажды ночью»? Милый фильм, правда?

– Забавный.

– Вы были в Америке? – он поднял глаза на Эльзу.

– Пока нет, – улыбнулась она, – смотрела в Венеции.

– Сладкие сказки, – вмешался Луиджи, присоединяясь к ним и придвигая тарелку. – Стоило бежать с Сицилии, чтобы снимать слащавые историйки про немцев и англосаксов. Это даже комично – что бы ни снимали в Голливуде, неизбежен happy end. По крайней мере, мы лишены таких ограничений. Но я согласен, итальянский кинематограф сегодня – это мертвецкая.

– Если бы ты снимал фильм, – спросила Эльза, – какой бы сюжет ты выбрал?

Эрих вопросительно поднял брови, держа в руке бутылку с «Nino Negri». Луиджи кивнул. Взял бокал. С наслаждением покатал вино на языке.

– Я бы снял фильм про обычных людей. Без фальши, без happy end, без грима.

– Обычных – это каких, дорогой? – спросила Эльза.

– Да тех же сицилийцев! Тех, кто трудится. Страдает. Рыбаков юга. Я бы снимал в хижинах, в лодках, чтобы...

Хохот прозвучал как взрыв. Луиджи вздрогнул. Даже хозяин выглянул из кладовки.

– Простите, – это хохотал Эрих, – простите, друг мой. Но это очень смешно! Вы! Про рыбаков!

Он снова расхохотался.

Эльза улыбнулась.

– Готов поспорить, – сказал Эрих, смахивая выступившие

слезы, – что фильмы про красивых и богатых вам будут удаваться лучше.

Луиджи поморщился.

– Но! – Вальден заметил это и предупредительно поднял вверх палец, – при этом очень несчастных!

Луиджи смущала манера австрийца высказываться, что-то было в его откровенности не откровенное, какое-то двойное дно, издевка. Но при этом он не давал собеседнику формальной причины чувствовать себя задетым. Эльза же была непривычно молчалива, возможно, из-за случившегося недавно. При мысли об этом Луиджи почувствовал, как его лицо заливают краска. К счастью, в зале горели только свечи.

Как будто прочитав его мысли, Эльза спросила вроде бы невпопад:

– А вы, синьор Вальден, бывали в Америке?

Голубые глаза Вальдена блеснули:

– Да где я только не бывал! – и он отправил в рот кусок телятины.

– Расскажите, – Эльза поставила локти на стол, сложила руки под подбородком и уставилась на австрийца. Он почему-то закашлялся. Луиджи вопросительно поднял руку над его спиной, но Вальден энергично замотал головой.

– Вот, кстати, американцы едят очень рационально, – сказал он, прокашлявшись, – как на конвейере. Бифштекс съедают за десять минут.

– Бифштекс. Интересно, – разочарованно сказала Эльза.

Луиджи снова почувствовал прилив желаний.

– В самом деле, Эрих, – поддержал он Эльзу. – Вы иностранец, путешественник, наверняка у вас куча историй.

– Господа, я простой коммивояжер, – шутливо поднял руки вверх Вальден, – что я могу вам рассказать? Сколько стоит зафрахтовать судно в Перу? Товары, которыми я занимаюсь, достаточно специфичны. Это... это не предметы гардероба, это в основном, знаете, руда, полотно, металлы. Здесь я по причине того, что мы открываем филиал фирмы в Милане.

– А как называется фирма? – небрежно спросила Эльза.

– «Трансмаре», – быстро ответил Эрих. – Довольно известная фирма. А я лишь мелкая деталь.

К Луиджи вернулась его паранойя. Он щелкнул пальцами, Антонио принес пепельницу и огонь.

– Скажите, Эрих, как у вас восприняли аншлюс? Вы были в Австрии в это время?

– Нет, к счастью, я был в отъезде, – улыбнулся Вальден. – Но все и без меня прошло хорошо!

– А где вы были? – спросила Эльза.

– Дорогая, мы как будто его допрашиваем! – рассмеялся Луиджи.

– Ммм... Кажется, я был в Мадриде, – задумчиво протянул Вальден. – И в хорошей компании. Мы играли в карты сутками, засыпали прямо там. Много пили. Много...

– Ясно, – улыбнулась Эльза.

– Знаете, – развеселился австриец, – в Испании сейчас, говорят, если за картами сидят четыре человека, то трое из них шпионы!

– А четвертый? – поддержал шутку Луиджи.

– А четвертый агент Ее Величества.

Эльза расхохоталась.

Антонио подал десерт.

Луиджи мимоходом взглянул на него и отметил, что мальчику явно нездоровится – лоб покрыт испариной, глаза бегают. Что-то здесь было не так. Сильно не так.

***

– Что с тобой опять?

Джузеппе говорил раздраженно. После неудачной поездки в Милан меньше всего ему хотелось выяснять отношения с женой. Теперь он пытался угадать по позе лежащей в постели Джованны, насколько и чем именно она расстроена на этот раз. То, что он проиграл деньги, отложенные на покупку виноградника, она еще не знала. Тогда что? Джованна отвернула лицо и сказала в стену:

– Все прекрасно.

– Не делай так! – с мучением в голосе сказал Джузеппе.

– Уйди, Джузеппе. Просто уйди.

Он помялся, вытер пот со лба. Выглянул в зал. Уже изрядно подвыпившие гости жарко спорили о какой-то чертовщи-

не.

– Нет, вы сами подумайте! – горячился немчик с голубыми глазами. Джузеппе слышал, как он рассказывал его светлости про свое австрийское происхождение, но его-то не проведешь. Этот парень был немцем на все сто процентов. – Добавляете в любую историю вампиров, и фильм становится... становится...

– Лучше? – снисходительно усмехался герцог.

– Живее, – сказал немец и икнул. – Pardonne-moi! Вот представьте, что ваши рыбаки – кровососы! А рыбалка это просто для отвода глаз! И поэтому все, кто к ним приезжает, пропадают. Зато рыбы все больше. Все жирнее. Какой сюжет можно завертеть! Но вы же не слушаете, конечно... А что ваш Ренуар... Ха...

Брюнетка почти не смотрела на спорящих, она покручивала ножку бокала в пальцах, ее лицо озаряли языки огня из камина. По вечерам уже прохладно, все-таки середина сентября... Джузеппе боялся таких женщин – спокойных, уверенных, понимающих, что мир, в конечном счете, крутится вокруг них. Джованна была стервой, но он хотя бы мог ее презирать. А эта...

– Я пойду, дон Джузеппе? – в сумраке дверного проема светлело лицо Антонио. «А с ним-то что?» – подумал Джузеппе, отметив про себя угнетенное состояние паренька.

– Беги, – он всунул ему в мокрую ладонь пару монет. – Мое почтение дону Винченцо.

– Ага, – просто сказал Антонио и выскользнул наружу.

***

Пробуждение оказалось тяжелым. В дверь постучали громко, настойчиво. Джованна села в кровати, закашлялась, мазнула взглядом по Джузеппе в белой майке и длинных черных трусах на жирном теле, толкнула его рукой, как камень или колоду.

– Что там? – хрипло спросил он.

– Синьор Брагано! – и снова стук.

Джузеппе потряс головой, отряхнулся весь, сел и принялся натягивать брюки.

– Сейчас он выйдет! – крикнула Джованна. Джузеппе покосился на нее, заправляя рубашку и забрасывая помочи на плечи.

В холле его ожидала странная компания – высокий сухощавый господин в черном с пергаментным лицом, несколько карабинеров и напуганный Антонио.

– Доброе утро, синьоры, – пробурчал он, обведя всех взглядом. – Чем обязан?

– Предписание санитарного врача, – господин в черном развернул документ перед лицом Джузеппе, – в гостинице вводится карантин.

– Но почему? – он шагнул к господину, и тот отступил. А вместе с ним попятнулись и карабинеры. И это напугало

Джузеппе. – Карантин? У меня?

– В вашей гостинице есть больные?

– Вчера все были здоровы...

– Это я... – прошелестело сзади. Джованна стояла в двери, опираясь о дверной косяк. Нечесаная, в халате. Джузеппе недовольно поморщился – зачем же в таком виде выходить на люди, больная ты или нет.

– Стойте там, синьора, – скомандовал господин. – Синьор Брагано, как вы себя чувствуете?

– Прекрасно, – с издевкой сказал Джузеппе, – как, по-вашему, я себя чувствую? Что я скажу гостям?

– Сколько сейчас гостей? – быстро спросил один из карабинеров.

– Его свет... Синьор Луиджи Виттоне с дамой. И синьор наверху.

– И все?

– Дела идут не очень хорошо, знаете ли.

– Машина снаружи кому принадлежит?

– Синьору Виттоне.

– Как они сюда заехали, интересно, – сказал один карабинер другому. Тот пожал плечами:

– Заехать можно, как они выезжать будут?

– Все гости у себя? – продолжал допрос человек в черном. – Синьора, вы можете вернуться в комнату!

Джованна бессильно махнула рукой и пропала внутри.

– Так, в чем дело? – визверился Джузеппе. – Чем она боль-

на, по-вашему?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.